

1

Еще не открыв глаза, она понимает. Это ошибка. Ужасная ошибка.

Ей надо бы лежать в другой постели, в какой угодно, только не в этой. Легкий храп, что слышится рядом, должен бы принадлежать другому, кому угодно, только не ему. И с абсолютной уверенностью, отгесняющей все прочие мысли, она осознает: надо бежать отсюда. Прямо сейчас, пока он не проснулся.

Осторожно, изо всех сил стараясь не шуметь, Карен Эйкен Хорнби откидывает простыню и садится; на другой край широкой кровати она даже не глядит. Обводит взглядом гостиничный номер, замечает на полу возле своих босых ног трусики и бюстгалтер, скомканное платье рядом с зеленой замшевой курткой на журнальном столике, сумочку, небрежно брошенную в кресло. Чуть дальше, за полуоткрытой дверью ванной, виднеются ее теннисные туфли.

Чтобы поскорее убраться отсюда, она тщательно продумывает каждое движение, прислушивается к тяжелому дыханию за спиной, сама же дышит беззвучно, поверхностно. Быстро репетирует про себя все этапы, пытаясь обуздать волну страха, бушующую внутри. И наконец, набрав побольше воздуха, про-

тягивает руку за трусами, одним движением надевает. Со всей осторожностью, чтобы матрац не колыхнулся, встает и чувствует, что комната кружит перед глазами. Ждет, переводит дух. Потом делает, пригнувшись, несколько шагов, одной рукой подбирает бюстгальтер и колготки, а другой хватается за платье и куртку. К горлу подкатывает тошнота, но она добирается до ванной и бесшумно закрывает за собой дверь. Секунду помедлив, поворачивает за пор. А услышав легкий щелчок замка, тотчас жалеет и припадает ухом к двери. Но возможные звуки по ту сторону тонут в гулком стуке сердца и шуме крови в ушах.

Она оборачивается.

Взгляд, встречающий ее в зеркале над раковиной, пустой и до странности чужой. С тяжким презрением к себе она рассматривает горящие щеки и тушь, что темными кругами растеклась под глазами. Каштановые волосы с одного боку выбились и висят до плеча, с другого же по-прежнему собраны на затылке резинкой. Длинная потная челка прилипла ко лбу. Устало изучая свою помятую физиономию, она шепчет липкими пересохшими губами:

— Дура набитая.

Ее мутит, она едва успевает наклониться над унитазом, как желудок выворачивается наизнанку. Сейчас он проснется, думает она, беспомощно слушая сдавленные звуки рвоты, с трудом переводит дух в ожидании следующих позывов и зажмуривается, чтобы не видеть в унитазе остатки вчерашнего дня. Ждет еще немного, но желудок вроде бы угомонился. Она с облегчением выпрямляется, открывает кран, набирает пригоршню воды. Полощет рот,

умывает лицо, понимая, что под глазами будет совсем черно, и думая, что это не имеет значения. Она и так в аду, хуже быть не может.

Скоро пятьдесят стукнет, и на сей раз вправду дошла до ручки. Чувствует себя на все семьдесят.

Быстрое бегство — единственная надежда. Доехать до дома, лечь и умереть. В собственной постели. Но сперва надо выбраться отсюда, сесть в машину и двинуть напрямик домой, ни с кем не разговаривая, никем не замеченной. В мозгу вспыхивает слабый лучик надежды, когда она понимает, что как раз сегодня есть шанс смыться из города незаметно. В четверть восьмого наутро после Устричного фестиваля весь Дункер в спячке.

Она наливает холодной воды в стакан для зубных щеток и быстро пьет, свободной рукой сдерживая с волос резинку вместе с несколькими длинными темными прядками. Снова наполняет стакан, натягивает платье, заталкивает бюстгалтер и колготки в сумочку, тянется к дверной ручке и тотчас спохватывается. Надо спустить воду. Пусть даже шум разбудит его, все равно надо; нельзя оставлять никаких напоминаний о себе. Крепко зажмурив глаза, она с ужасом слушает, как вода прокатывается по унитазу, а затем журчит в бачке. Еще секунду-другую ждет, чтобы тихое журчанье смолкло, и вешает сумку на плечо.

Набирает полную грудь воздуха и открывает дверь ванной.

Он лежит на спине, лицом к ней, и на миг она цепенеет. Против света кажется, будто он смотрит на нее. Затем раздается еще один громкий всхрип, она вздрагивает, и оцепенение отпускает.

Шесть секунд спустя она хватается туфли и открывает дверь в гостиничный коридор. И тут, на пороге свободы, что-то заставляет ее оглянуться. Будто по принуждению, будто вот только что проехала мимо дорожной аварии и в общем-то смотреть не хочет, но почему-то должна, она скользит взглядом по мужчине в постели. Видит безвольно открытый рот, слышит негромкие похрапывания, сопровождающие каждый выдох.

С ощущением нереальности Карен секунды три смотрит на своего начальника и — закрывает за собой дверь.

2

Дверь номера 507 закрывается со вздохом и легким щелчком. Темно-красное ковровое покрытие мягко пружинит под босыми ногами, когда Карен быстрыми шагами спешит к лифту и нажимает кнопку вызова. Кровь гулко стучит в висках, когда она, используя вместо рожка палец, влезает в туфли. И едва успевает надеть их — лифт тренькает, и дверца с тихим шипением скользит вбок.

Удача. За стойкой портье никого не видно. Бросив туда беглый взгляд, Карен спешит через холл к выходу. Мимолетная дрожь беспокойства — до нее доходит, что она совершенно не помнит, как сюда попала. Они вправду пришли вместе? Чья это была идея? Обрывки вчерашнего вечера мелькают в мозгу, как быстрые эпизоды фильма: гавань, Эйрик, Коре и Марике, потом бары, снова устрицы и вино, бокал за бокалом. И смутный образ Юнаса

Смеда, возникшего в одном из баров ближе к рассвету. Пока она идет к выходу, в памяти проносятся еще несколько эпизодов: смех, мелкие колкости, внезапно вспыхнувшая ссора, пьяные примирительные объятия и лицо Юнаса рядом. Слишком близко.

Уже почти на улице, пока дверь-вертушка раздражающе медленно выводит ее из гостиницы, приходит очередная пугающая мысль: кто-нибудь видел, как они снимали номер?

Сентябрьский воздух чист и прозрачен, Карен успевает глубоко вздохнуть, но тотчас опять накатывает тошнота. Бросив быстрый взгляд на пустынную улицу и зажав рот ладонью, она почти бегом пересекает мостовую. А мгновение спустя стоит по другую сторону приморского бульвара, перегнувшись через ограду, меж тем как волна дурноты медленно отступает. Секундное чувство облегчения, но затем мысль, которую она гнала прочь с тех пор, как десять минут назад проснулась, наваливается на нее со всей силой. Самое ужасное еще впереди. Утром в понедельник она неизбежно встретится с ним.

Карен скользит взглядом вдоль бухты, к порту на востоке. В гостевой гавани качается целый лес мачт, но паромный терминал чуть дальше безлюден, как всегда по воскресеньям. Паром из Эсбьерга придет не раньше восьми вечера, а суда в Данию и в Англию уже который год по выходным вообще не ходят. Желаящие покинуть Доггерланд в воскресенье теперь летают самолетом из Равенбю. Сквозь утреннюю дымку, покуда висящую над морем, она различает белую радиолокационную рубку круизного

судна, которое стоит на якоре дальше, в глубоководной гавани.

Щурясь на горизонт, она ищет во внутреннем кармане темные очки и тихонько чертыхается, потому что на привычном месте их нет. Ощупывает ладонями карманы куртки: либо она где-то посеяла очки еще вчера вечером, либо забыла в гостинице. Теперь по меньшей мере полпути домой в Лангевик придется терпеть бьющее в глаза низкое солнце, мучиться от жажды, тошноты и жуткой головной боли. Двойной эспрессо и две таблетки болеутоляющего — вот что ей требуется, чтобы не создавать на шоссе непосредственной угрозы, но, даже не обращившись, она знает, что и магазины, и кафе на той стороне Страндегате закрыты. В такую рань, после Устричного фестиваля, она, наверно, единственная, кто не спит в похмельном городе, за исключением разве что какой-нибудь крысы, шныряющей среди переполненных урн и устричных ракушек. Мысль об этом вызывает новый приступ тошноты.

С закрытыми глазами Карен несколько раз глубоко вздыхает, опершись ладонями о шершавые, прохладные камни ограды. Свежий воздух приносит облегчение, бриз бросает в лицо влажные волосы. Она поворачивается спиной к солнцу, смотрит на пляж. Стая серых чаек гомонит возле плохо затянутых мусорных мешков, которым не нашлось места в расставленных наугад контейнерах. Чуть поодаль виднеется еще один мусорный мешок. Секундой позже она понимает, что это спящий человек. Лежит прямо на песке, укрывшись пиджаком. Рядом — магазинная тележка, скорей всего украденная в “Квике” или “Теме”, а теперь набитая пустыми банками и бутыл-

ками. Должно быть, пьянчуга, из тех, что обычно толпятся возле галереи за Рынком. Проснувшись, он наверняка будет чувствовать себя так же, как она, — изнывать от жажды, обливаться потом и мучиться похмельем, тяжелым, как рюкзак за плечами. С другой стороны, думает она, в отличие от меня он явно провел ночь в невинном одиночестве.

Издали доносится тарахтение мопеда, вяло пробивающееся сквозь мерный шум прибоа. Пенные волны бьются о пирс, неустрашимо протянувшийся напрямиком в море, а в заливе к одной из шести причальных тумб пришвартована потрепанная парусная лодка. Карен рассеянно прикидывает, скоро ли портовая полиция шуганет лодку. Вероятно, будут смотреть сквозь пальцы минимум до второй половины дня; нынче даже эти обычно ретивые ребята вряд ли разбудят свой охотничий инстинкт раньше обеда.

Дальний конец километрового пирса по-прежнему затянут утренней дымкой, и очертания расположенного там маяка покуда расплывчаты. Ночью, наверно, был густой туман, думает Карен и вспоминает, что гудки туманных горнов продолжались необычно долго. И еще один клочок воспоминания: Юнас раздраженно встает закрыть окно, потом возвращается в постель. Она быстро прогоняет эту картину, отталкивается от ограды и быстрыми шагами идет к парковке на Редехусгате.

Припаркованная машина стоит в трех кварталах отсюда, там, где она ее оставила полсуток назад. Увидев на пустой парковке возле ратуши свой темно-зеленый “форд-рейнджер”, она в тот же миг расслабляется. Еще час — и она будет в своей постели, у се-

бя дома, и за опущенными жалюзи сон подарит ей несколько часов передышки от мучительных самоуборков.

В следующий миг она обнаруживает, что ключи от машины куда-то запропастились.

3

— Ну и как у нас дела?

Голос за спиной уверенный и чуть снисходительный. Карен замирает, не закончив движение, одна рука в сумке, другая опирается на капот машины.

Присев на корточки, она несколько минут в панике безуспешно искала ключи. Обшарила все кармашки и отделения, ощупала дно, а затем с растущим беспокойством принялась выкладывать из сумки содержимое.

Сейчас она сквозь зубы беззвучно чертыхнулась: какого лешего полиция шастает здесь в такое время? Какого черта им приспичило тратить человеческие ресурсы и казенные деньги, патрулируя улицы и площади, когда весь город еще спит? Ноги затекли, но она с тяжелым вздохом встает. Нехотя поворачивается, пытается выдавить непринужденную улыбку.

Выходит натянутая гримаса.

Выражение испуга и недоверия мелькает на лицах обоих полицейских, когда они видят ее лицо.

— Ой, простите... — говорит старший и смущенно отступает назад.

Взгляд его беспомощно тычется то в остатки размазанного макияжа на мертвенно-бледном лице, то в рассыпанные вещи. Его более молодая напар-

ница глянула на Карен лишь мельком и теперь с явным любопытством изучает кучку барахла на асфальте: экземпляр вчерашней газеты, мобильный телефон, полпачки сигарет, что-то вроде пары черных колготок, зарядник для телефона, надкушенное яблоко со следами зубов в потемневшей мякоти, бюстгальтер и пачку презервативов.

Карен выдавливает еще одну натянутую улыбку, чувствуя, как лицо напрягается. Потом неопределенным жестом указывает на кучку на асфальте.

— Не могу найти ключи от машины, — говорит она на вдохе, чтобы полицейские не учуяли перегар, и добавляет: — Сумка новая.

— В городе ночевали, да?

Полицейская присела на корточки и сейчас смотрит на нее с легкой улыбкой, словно в знак взаимопонимания. Карен чувствует, как внутри закипает досада: “ночевать в городе” — на что она намекает, эта до невозможности спортивная девчонка с конским хвостом?

— Простите? — ледяным тоном произносит она.

Используя свой взгляд. Пронзительно-синий, с желтым ободком вокруг зрачков, она знает, как он пугает людей, заставляет умолкнуть. Карен смотрит молодой женщине прямо в глаза, вынуждает ее пойти на попятный и в ту же секунду жалеет, что одержала верх. Что она делает?!

— После Устричного всегда задерживаюсь допоздна, вот и заночевала у подруги, — говорит она, пытаясь загладить резкость. — Но сейчас мне, пожалуй, не мешало бы продолжить поиски...

Многозначительным жестом Карен показывает на сумку и кучку вещей, которая, кажется, по-преж-

нему привлекает внимание полицейской. И тотчас видит, как рука в перчатке поднимает и слегка встряхивает скомканные колготки. Плоский ключ со звонком падает на каменный бортик тротуара. Две секунды спустя слышится знакомый писк отпертой дверцы автомобиля.

— Прошу вас, шеф. — Полицейский ассистент Сара Ингульдсен встает и с кривой усмешкой протягивает ей ключ.

Не в силах ничего сказать, Карен берет ключ, а патрульные одновременно делают шаг назад и отдают честь. Теперь и полицейский ассистент Бьёрн Ланге явно обрел дар речи:

— Осторожно на дорогах, инспектор Эйкен!

4

Магистральное шоссе из Дункера в Лангевик на протяжении шести километров проходит вдоль юго-восточного побережья Хеймё, пересекает длинный узкий мыс Скагернес, а затем еще полтора километра идет на северо-восток. Карен чувствует, как по спине стекает струйка пота, и в то же время искусственная прохлада кондиционера заставляет ее вздрогнуть. Руки крепко сжимают руль, взгляд то и дело косится на спидометр. Сомнительно, конечно, чтобы дорожное подразделение нынче утром отправило людей контролировать скоростной режим, но сама мысль о том, что ее остановят коллеги, а вдобавок придется дуть в пробирку, заманчива примерно так же, как еще одна ночь с Юнасом Смеedom. И результат был бы для моей карьеры не менее разруши-

телен, думает она. Невзирая на по-прежнему весьма мягкое законодательство — итог работы прагматичных политиков, которые от его изменения больше потеряют, чем выиграют, — промилле в ее крови наверняка превышают допустимый уровень. В ответ все внутри сжимается от холода, и она еще сбавляет скорость. Только не это. Ни в коем случае.

Движение редкое, считанные автомобили проезжают мимо с интервалом в несколько минут. Карен расслабляет руки, легонько поводит плечами. Позже, после нескольких часов сна, она вспомнит все подробности вчерашнего вечера, разберется в случившемся, со всех сторон рассмотрит каждое мгновение, призовет себя к ответу и приговорит к раскаянию и чистой жизни. Ни капли алкоголя в течение многих недель, никаких сигарет, ежедневные пробежки, силовые тренировки и здоровое питание. Сперва следствие, затем приговор; она и раньше так поступала. Наследие предков с Ноорё глубоко сидит в ней. Не настолько, чтобы она перестала грешить, но достаточно, чтобы наихудшие проступки вызывали у нее страх. Не перед гневом Божиим и отказом в Царствии Небесном, а скорее перед ценой, какую придется платить еще в этой жизни. На сей раз ее шеф, начальник отдела уголовного розыска Государственной полиции Доггерланда, устроит ей ад на земле. Колкости, насмешки, намеки. На работе вряд ли останешься, но и никакого выхода не видно. Несколько недель отпуска едва ли устранят проблему, и что тогда делать? Уволиться на свой страх и риск? Сменить сферу деятельности, в ее-то годы? Все кажется одинаково неподходящим, и она отбрасывает мысли о будущем, однако не может отде-

латься от воспоминаний о вчерашнем дне, а их все больше, и мало-помалу они начинают выстраиваться по порядку.

Последняя сентябрьская суббота. Она встретилась с Марике, Коре и Эйриком в “Ровере” выпить пива, пока не началась традиционная устричная оргия. Марике была в плохом настроении после неудачного обжига, загубившего две недели работы в мастерской. Что-то пошло не так с новой глазурью, на которую она возлагала большие надежды. Вдобавок Марике Эструп терпеть не могла устрицы, что и провозглашала с необычайно сильным датским акцентом. Со временем они приноровились к ее немислимой смеси доггерландского и датского и заметили, что акцент служил своего рода индикатором настроения Марике: чем хуже настроение, тем он сильнее; вчера показания датчика зашкаливало, и понять ее североютландское шипение было почти невозможно.

Коре с Эйриком, напротив, пребывали в лучезарном расположении духа. Двумя днями раньше продавец согласился на цену, предложенную ими за дом в Тингсвалле, и вечер пятницы они посвятили обсуждению выплат, спорам об интерьере и примирительному сексу. Всю субботу провели в постели, где в уютном коконе веры в будущее благополучно строили планы переезда, последующего новоселья и будущей жизни вдвоем до старости.

У Карен суббота выдалась плодотворная и началась с поездки в строительный универмаг в Ракне. Потом она утеплила семь окон, поменяла петли на двери сарая, а кроме того, ни разу не повысив голос, почти полчаса говорила по телефону с матерью

и теперь, довольная собой, рассматривала в мягкой полутьме паба своих по-прежнему загорелых друзей. Сама она из-за бледной кожи выглядела усталой, что Коре не преминул тотчас же бессердечно отметить.

— Ладно, настал и мой черед, — ответила Карен. — Вероятно, уже в понедельник, а самое позднее во вторник поеду отдыхать.

Считанные свободные дни в начале июня, все остальное лето она работала. Пока коллеги наслаждались отпуском, самостоятельно закончила одно предварительное расследование, писала последние отчеты, наводила порядок, держала позиции с помощью временного персонала из округов. Когда ее запоздало спросили, не может ли она передвинуть отпуск на осень, она и виду не подала, что для нее так даже лучше. Без возражений работала все лето, создав себе весьма выгодный ореол мученицы, который придется очень кстати, чтобы отвертеться от дежурств на Рождество и Новый год.

В “Ровере”, уютно расположившись в кресле, она объявила друзьям, что впереди у нее три недели отпуска, большую часть которого, пока Доггерландские острова погружаются в темноту и холод, она проведет на северо-востоке Франции. Погостит в эльзасской усадьбе, где ей принадлежит незначительный процент земли и виноградников, отдохнет в компании Филиппа, Аньез и остальных, обсуждая с ними нынешний урожай и сравнивая его с прежними.

Но сперва Устричный фестиваль.

Как всегда, сей ежегодный праздник начался в гавани, где между столами толпились дункерцы и приезжие туристы. Устрицы еще как следует не отъелись, но первая суббота после осеннего